ДЖЕЙСОН ТОДД

ХОРОШИЙ СОЛДАТ

Прошли годы с тех пор, как Джейсон видел это, но, Боже, он все еще ненавидел его.

Брюс избавился от него после того, как Джейсон прострелил его во время их последней настоящей ссоры. Самой страшной ссоры в их жизни. Ссора, после которой Джейсон поверил, что их отношения не подлежат восстановлению, и заявил об этом отцу прямо в лицо. Он произнес слова, о которых, несмотря на то что в тот момент они были правдой (или он, по крайней мере, считал их таковыми), до сих пор сожалеет.

Это случилось после того, как он наконец вернул Артемиса и Бизарро, после того, как по просьбе Тима отправился с ними в Лигу ассасинов. Дика взяли в заложники, Дэмиана похитили, а все потому, что тело Ра'с аль Гула окончательно сдало, и для магии, которую он собирался использовать, нужен был сосуд с кровным родством, и не дай бог ему использовать кого-нибудь из своих многочисленных потомков женского пола или своего сына-калеку. Пока Тим пытался взорвать дом, а Дик, Кас и все остальные отбивались от ниндзя, Джейсон сбежал с Дэмианом, поручившись за его безопасность.

Затем Джейсон нанес младшему брату удар мечом в брюхо, а тот в свою очередь получил свой собственный магический меч. После одной дуэли Ра'с исчез навсегда.

После этого его семья практически насильно вернула его в Готэм. Брюс не участвовал в той битве, отправившись в космическую миссию для Лиги справедливости, и когда вернулся, совсем не был рад видеть Джейсона в Готэме. Но один взгляд Альфреда вытеснил все его протесты, и в течение последующих недель они с Джейсоном мирно сосуществовали в поместье, пока Джейсон воссоединялся с остальными членами своей отчужденной семьи.

Джейсон, однако, был самым чистым готэмцем из всех, и в конце концов его любовь к городу победила. Однажды ночью он пробрался в Пещеру и взломал компьютер, чтобы узнать о последних событиях на территории, которая когда-то была его территорией. Неудивительно, что место превратилось в ад. Удивительно было то, что Брюс не предпринял ни малейшего усилия, чтобы исправить ситуацию.

И тут появился Брюс, который сам улизнул, чтобы поработать в Пещере.

Ссора быстро разгорелась, и разгорелась очень бурно. Джейсон не успел нанести первый удар - это сделал Брюс, после чего они начали драться по всей пещере. Джейсон почти не помнил, что творилось у него в голове в тот момент, хотя был уверен, что Безумие Ямы не сыграло никакой роли в противостоянии; все было сосредоточено на нем и Брюсе, и на множестве проблем между ними.

Что он точно помнил, так это сам поединок и то, чем он закончился. Он прижал Брюса к себе,

весь в синяках, крови и победе. В этот момент остальные члены семьи заметили их исчезновение и направились в Пещеру, чтобы остановить их. Джейсон закричал на них, предупреждая, чтобы они держались подальше, а затем обхватил шею отца руками. Он требовал, чтобы Брюс устно уступил ему, признал свое поражение на глазах у всей семьи.

Брюс боролся, сопротивлялся изо всех сил, но слова не шли с его губ. Джейсон отпустил его и, взяв спрятанный пистолет, зажатый в кобуре на бедре, выстрелил в этот проклятый мемориальный кейс. Покончив с этим, он объявил, что покончил с умиротворением Брюса, запретив Бэтмену появляться на Аллее преступлений, которая, как он заявил, теперь снова находится под его защитой.

Но именно следующие слова пронзили Брюса до глубины души. Такой злой, такой полный ненависти Джейсон заявил, что если бы перед ним встал выбор между убийством Джокера и убийством Бэтмена, он бы выбрал Бэтмена. Что нет ничего и никого, кого бы он ненавидел больше, чем Бэтмена, и если ему больше никогда не придется увидеть Брюса, то это будет слишком рано. Гнев на лице Брюса мгновенно улетучился, сменившись болью в сердце, но Джейсону в тот момент было все равно, что брать назад. Они причиняли боль, и этого было достаточно.

Прошел целый год, прежде чем они помирились после той ужасной драки, а через год после этого Брюса не стало. Любое удовлетворение, которое Джейсон мог испытать от того, что наконец-то победил своего наставника в поединке один на один (не в спарринге, а именно в поединке), было сведено на нет угрызениями совести и сожалением о том, что из-за этого он потерял так много времени с ним. Джейсон не стал бы отрицать роль, которую сыграл в этом Брюс, он не мог, но он жалел, что не позволил своему гневу удержать его от примирения с отцом раньше, до того, как Брюс ушел навсегда.

Увидев этот мемориал, Джейсон снова вспомнил все те воспоминания, и это было еще хуже, потому что теперь Джейсон все понимал. Когда он стал Бэтменом, у него были свои Робин, и всех их он любил, как собственных детей. Целый год он подвергал каждого из них самым интенсивным тренировкам, которые только можно было придумать, чтобы убедиться, что они максимально подготовлены к жизни в борьбе с преступностью. Они должны были быть лучшими, он не мог позволить себе принять что-то меньшее, потому что в противном случае их убьют.

И все же никакие тренировки не могли сделать их полностью готовыми к опасностям, с которыми они сталкивались на улицах Готэма. Каждый раз, когда с кем-то из них случалась неприятность, Джейсону приходилось прилагать все усилия, чтобы не посадить их на скамью подсудимых до конца их дней, лишь бы сохранить их душевное спокойствие. Джейсон знал, что если бы он потерял хоть одного из них, то никогда бы не смог жить с самим собой. Долгое время он удивлялся, как Брюс смог жить с самим собой после того, что случилось с Джейсоном.

Сейчас, глядя на этот стеклянный ящик, где висит его старый костюм Робина, Джейсон был поражен воспоминаниями. Воспоминания о Брюсе до и Брюсе после, о том, как разительно они отличались друг от друга. И именно сейчас Джейсон окончательно принял правду.

Это было не так.

"...Он так и не смог с этим смириться, не так ли?"

http://tl.rulate.ru/book/105213/3713284